

НАДЗОР ИЛИ БЕСПРИЗОРНОСТЬ? К ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

С.А. Сорокина

Проблемы социальной адаптации коренных малочисленных народов Севера связаны с особенностями отношений власти, сложившихся в местных сообществах. По мере того, как традиционное общество становится частью современного государства, появляются социальные проблемы, связанные с завозом алкоголя и размером ясака. Новые отношения власти развиваются среди северных этносов после образования советского государства, считавшего, что их культура нуждается в заботе, контроле и развитии. Коренная трансформация образа жизни стала причиной утраты этнических черт культуры, при этом государство взяло на себя административное управление, регуляцию экономической и культурной сфер жизни. Нарастание негативных тенденций в эвенкийском этносоциуме автор связывает с исчезновением «ока власти».

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, эвенки, устойчивое развитие, отношения власти, социальная политика, патернализм

Исследователи Севера и социологи уже давно бьют тревогу, привлекая внимание государства к проблеме сохранения и развития культур малочисленных народов Севера. Согласно этнографическим исследованиям и статистическим данным, за последние 30 лет среди коренных народов Севера, в частности эвенков, получили распространение такие явления, как суицид, алкоголизм, правонарушения [См.: Абрютин, 2003; Пика, 1996]. Однако эти процессы скорее следствие, нежели причина социальных проблем. Что же явилось их причиной, каким образом происходила трансформация традиционных норм и ценностей эвенков? На наш взгляд, в этом процессе неоднозначную роль сыграли отношения власти, сложившиеся в эвенкийском обществе в XX веке. Такие

проблемы ранее уже являлись объектом исследований Ю. Слезкина [Слезкин, 2008], который анализировал государственную политику относительно северных этносов на разных исторических этапах, а также Николая Ссорина-Чайкова [Ssorin-Chaikov, 2003], применившего антропологическую методологию к изучаемому феномену. В своих работах эти авторы использовали концепцию власти Мишеля Фуко, которая может стать теоретической основой и для данного исследования социальных проблем эвенков.

Французский философ, теоретик культуры и историк М. Фуко в своих трудах не раз обращался к вопросу генеалогии современной власти, метафорически называя инструменты контроля «оком власти» [Фуко, 2006. С. 220, 223]. Одной из важнейших технологий власти является «дисциплинарная власть» [Фуко, 1996; Фуко, 1999]. Она начинается с перемещения индивидов и требует замкнутого пространства, в котором действуют свои законы и правила: места «дисциплинарной монотонности». Но отношения власти не исчерпываются дисциплиной. Фуко в первом томе «Истории сексуальности» описывает власть, пронизывающую собой все общество и все виды отношений между людьми, и констатирует глубокую трансформацию механизма власти. Право отнять жизнь сменилось разнообразными формами управления жизнью: побуждение, поддержка, контроль, надзор, управление и организация. Таким образом, власть осуществляет положительное управление жизнью, контролируя и регулируя ее.

Размышляя над тем, насколько оправдано использование концепции Фуко при исследовании истории традиционных обществ, необходимо учесть, что власть, с его точки зрения, – это не только государство. Фуко стремится рассматривать ее как систему отношений, пронизывающих все социальное поле. Отметим, что Фуко отрицает возможность существования исключительно негативной или чисто репрессивной власти, сами механизмы власти всегда позитивны и продуктивны [Шмид, 1998. С. 7]. Отношения власти не сводятся к государству и его функционированию. Они охватывают и существенным образом конституируют деятельность воспитания, семейные отношения, познание человека и общества [Сокулер, 2001. С. 18]. Описанные механизмы хорошо прослеживаются на материалах по истории отношений власти в сообществах малочисленных народов Севера, в частности, эвенков в советскую эпоху.

Под надзором

В поле зрения власти, представленной ясачными сборщиками, малочисленные народы Сибири попадают еще во времена Новгородской республики. Более внимательным взгляд на коренное население Сибири становится с расцветом княжества Московского, когда вместо периоди-

ческих набегов казаков здесь оседают постоянные государевы представители – служилые люди, приводящие согласно наставлениям Сибирского приказа «всяких иноземцев разных языков ... под государеву царскую высокую руку» с целью регулярного пополнения казны пушниной. Ю. Слезкин отмечает, что «в регионах Северной Евразии большинство обитателей тундры и тайги стали “ясачными людьми” к концу 17 века» [Слезкин, 2008. С. 31, 34]. Процесс вхождения традиционного общества в систему отношений с властью сопровождался появлением ряда социальных проблем среди коренных народов, связанных с завозом алкоголя и грабительским размером ясака. Если проблему алкоголизации северных народов поднимали самые первые исследователи Сибири [См.: Крашенинников, 1994], то такие социальные недуги, как суицид и преступность, развиваются со второй половины XX века и достигают своего апогея к началу XXI века. Как это может быть связано с функционированием власти в северных регионах?

До XX века государство пыталось контролировать кочевых «иностранцев», но не всегда успешно. Принимались указы и уставы по управлению этими группами населения, проводилась христианизация, предпринимались попытки наладить самоуправление и провести «регистрацию ясачных иноземцев». Однако из-за отдаленности и обширности регионов, малочисленности русского населения, особенностей традиционной кочевой культуры, поверхностности религиозного чувства неопитов, надзор удавалось осуществлять только над теми группами, которые стали оседлыми, обрусели и получили статус государевых служилых людей.

Отношения со всеми остальными, «бродячими» племенами, сводились лишь к уплате ясака и обеспечению перевозок. Оленеводов не удалось сделать землепашцами, закрепить на одной территории, и лишь практика взятия заложников, за которыми возвращались и выкупали кочующие родственники, а также зависимость инородцев от ввозимых товаров, таких как хлеб, табак и металлические изделия, позволяли должным образом собирать ясак. Впрочем, государству от инородцев нужно было только это, и местным чиновникам даже запрещалось какое-либо насилие над ними и вторжение на их охотничьи территории [Слезкин, 2008. С. 83]. Признав полномочия Российского государства в деле сбора ясака, торговли, войны, малочисленные народы, в свою очередь, получали защиту царской администрации в области разрешения споров и конфликтов как с соплеменниками, так и с переселенцами [Там же. С. 44].

Советское правительство обратило более пристальный взор на северные народы, в том числе на эвенков. Отношения власти в этот период происходили под лозунгом «преодоления вековой культурно-экономической отсталости народов Севера». С точки зрения марксистской теории общественно-экономических формаций культура этих народов

находилась на самой ранней ступени развития – первобытнообщинной, не рассматривалась как самоценная и самодостаточная, нуждалась в заботе, контроле и развитии. С этой целью началось строительство различных дисциплинарных институтов.

В начале XX века контролировать кочующих «иностранцев» было сложным предприятием. Царские ясачные списки зачастую содержали недостоверную информацию, один человек мог быть записан в них под разными именами, учесть тех, кто кочевал, невзирая на государственные границы, было невозможно. Сибирь представляла собой практически неосвоенные земли с небольшим количеством административных центров. Решением задачи по обеспечению надзора за племенами малочисленных народов стал перевод кочевников на оседлость, создание поселков (которое продолжалось вплоть до 1960-х годов), а затем и так называемое «укрупнение» маленьких поселков, когда их жителей переселяли в одну большую резервацию. Отметим, что М. Фуко обращал особое внимание на возможность исследования истории различных пространств (которая в то же время была бы историей различных видов власти), начиная с больших геополитических стратегий и заканчивая мельчайшими тактиками по условиям расселения, истории архитектуры учреждений.

Начиная с конца XVIII – в начале XIX века у власти появляются новые задачи, ибо возникла необходимость использовать обустройство пространства в хозяйственно-политических целях... В подтверждение этому мы располагаем свидетельствами о строительстве рабочих поселков в 1830–1870-е годы. Именно в них направят и закрепят семью рабочих, там ей предпишут соответственный тип нравственности [Фуко, 2006. С. 223].

В национальных поселках Сибири были созданы, пользуясь терминологией Фуко, места «дисциплинарной монотонности» – школы, интернаты, колхозы, зверофермы. Было упорядочено оленеводство и охотпромысел, обобществлены частные стада оленей. Отметим, что процесс перевода на оседлость, коллективизация происходили болезненно. Колхоз выполнял функции контроля за работой оленеводов, карательные меры были жестоки: по рассказам эвенков пос. Иенгра¹, за забой больного, ра-

¹ В 2007 году при поддержке РГНФ было проведено полевое исследование проблем социальной адаптации эвенков Якутии (пос. Иенгра). В ходе экспедиции был осуществлен опрос и анкетирование носителей культуры по исследуемой теме, УВД г. Нерюнгри предоставлена статистика по правонарушениям и несчастным случаям в пос. Иенгра, различные демографические показатели получены при содействии администрации и главного врача поселка В.П. Степанова. Уровень алкоголизации эвенков был определен благодаря данным нарколога поселка С.М. Анатольева. Проведена беседа с участковым и социальным работником пос. Иенгра. Собранные в ходе полевого исследования материалы дают возможность объективной оценки реакции населения на общественно-политические трансформации последних 20 лет. В 2007 году в пос. Иенгра проживало 1 236 человек, из которых эвенков насчитывалось 933 человека, что составляет 75,5 %.

неного оленя, бригадира стада увели, и больше его никто не видел. Вероятно, о произошедшем «вредительстве» стало известно со слов коллег бригадира. Практика доносов не миновала эвенкийское общество. Известная писательница-эвенкийка Г.И. Кэптукэ рассказывала нам, что ее отец был вынужден уйти в тайгу вместе с семьей, стать «единоличником», поскольку был шаманом и опасался, что односельчане донесут на него, если он будет камлать в поселке. Через доносительство осуществлялся самоконтроль общества – еще один механизм власти, описанный М. Фуко.

Присутствие «ока власти» имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, коренная трансформация образа жизни стала причиной утраты этнических черт культуры, оленеводства, языка малочисленных народов Севера. Школы и интернаты, где под запретом был родной язык, где дети оказывались оторванными от традиционного уклада, от трансляции норм этнической культуры, стали основной причиной этих утрат. С другой стороны, государство взяло на себя административное управление и обеспечение колхозников всем необходимым. В годы активной деятельности Комитета содействия народностям северных окраин (1924–1935) были заложены основы политики государственного патернализма. Малочисленным народам была оказана экономическая помощь, предоставлены льготы, началось создание органов самоуправления, обучение в школах, отменены налоги, воинская и трудовая повинности, была запрещена торговля спиртным. Важную роль в культурно-просветительной работе сыграли культбазы. Несомненно, такие меры, как запрет родного языка, духовных традиций стали разрушительными для культуры малочисленных народов, но эти потери возмещались экономическим благополучием.

Старшее поколение эвенков поселка Иенгра с ностальгией вспоминает времена изобилия, когда оленье стадо насчитывало десятки тысяч голов, процветала ферма. По свидетельству пенсионеров, в стада регулярно совершались вертолетные рейсы, оленеводам в тайгу забрасывали продовольствие, одежду, боеприпасы, на месте происходило медобслуживание, детей вертолетом транспортировали на учебу после каникул. На стойбища приезжали с выступлениями артисты культбаз, привозили книги. Согласно нашему опросу, большинство представителей старшего поколения эвенков отмечают 1950–1970-е годы как наиболее благополучные в материальном плане [Сорокина, 2008. С. 585].

Вне поля зрения

С прекращением государственной поддержки северных регионов в 1990-е годы ситуация изменилась самым существенным образом. Традиционное занятие местных жителей – оленеводство, которое является основой жизнеобеспечения, условием демографической устойчи-

вости эвенков, способствует сохранению духовных ценностей и самобытности этноса, – находится в упадке. Несмотря на то, что в Иенгре зарегистрировано 23 родовые общины, а также существуют стада, принадлежащие ГУП «Иенгра», количество оленей не превышает трех тысяч голов. Массовое сокращение поголовья произошло в годы реформ, накануне которых, в 1986 году, количество оленей составляло 16 485 голов. В сфере сельского хозяйства сегодня занято только 30 % работающего населения. С переходом к рыночным отношениям и наступлением общего кризиса российской экономики сельскохозяйственный комплекс в поселке был разрушен. На сегодняшний день оленеводство, существующее в частной и государственной форме собственности, убыточно.

На маршрутах производственной деятельности оленеводов и промысловиков в последнее время практически полностью прекращено государственное медицинское, торговое и транспортное обслуживание, продолжается рост цен на все виды товаров. В сложившихся условиях коренное население не в состоянии обеспечить себя всем необходимым для ведения традиционного хозяйства. Оленеводы вынуждены сами неделями доставлять детей в школу на оленях или на вездеходах, опоздания детей на месяц стали нормой. Вертолет вылетает только по экстренным случаям. Оленеводство и звероводство не окупают себя. Организация переработки и сбыта продукции требует вложения средств, которых нет у местного населения. Упадок оленеводства привел к тому, что молодежь утратила интерес к занятию оленеводством, хотя в анкетах, собранных в ходе нашего исследования, все опрошенные отметили важность сохранения этого ядра эвенкийской культуры.

Помимо сельского хозяйства, жители поселка работают в бюджетных организациях (школа, детский сад, интернат, пожарная часть), в администрации и этнокультурном центре. Все рабочие места в поселке заняты, оленеводство не нуждается в увеличении штата. В итоге неработающее население поселка составляет 463 человека – 55 % от всего взрослого населения, из них эвенков 351 человек – 58 % от всего взрослого эвенкийского населения. Большинство выпускников школ продолжают учебу в вузах и училищах, после окончания которых стремятся обратно, но в родном поселке для них работы нет. Безработные молодые люди ведут маргинальный образ жизни, «балдеют», как здесь говорят.

Местные жители отмечают, что пьянства, самоубийств и правонарушений было бы меньше, если бы людям предоставили рабочие места и возможность заработать. К началу XXI века среди эвенков, согласно нашим исследованиям, все большее распространение получают случаи девиантного поведения. Полевые материалы, собранные в пос. Иенгра, дают основание говорить о превышении здесь среднестатистических по-

казателей смертности от внешних причин. Статистические данные по правонарушениям и несчастным случаям были предоставлены нам главным врачом поселка (табл. 1).

Табл. 1

Насильственная смертность п. Иенгра

<i>Год</i>	<i>Убийство</i>	<i>Самоубийство</i>	<i>Несчастный случай</i>	<i>Всего</i>
2001	–	3	6	9
2002	–	2	4	6
2003	1	5	7	13
2004	2	3	5	10
2005	2	3	3	8
2006	2	2	1	5
2007	–	1	5	6
Итого	7	19	31	57

В России в 2005 году смертность от внешних причин в среднем составила 214 случаев на 100 тыс. человек, тогда как в Иенгре смертность в этом году превысила средний уровень примерно в четыре раза. По данным главного врача больницы поселка, обычным явлением у эвенков, особенно среди молодежи, является суицид. Убийства обычно совершаются в состоянии алкогольного опьянения, не преследуют целей наживы, совершаются без всяких видимых причин. Алкоголизация влечет за собой ухудшение криминальной обстановки.

Очень остро встала проблема криминала, много случаев разных, страшно жить. Убивают много, но списывают все на несчастные случаи. Если только родственники вложат деньги, чтобы выяснить правду. Но никто не хочет связываться после траура. Много убивают в тайге. Или сидят невинные. Приходят, и еще хуже творят, они знают все лазейки, как остаться чистым. На них дают убийцы настоящие, и они сознаются в том, чего не делали. Сидят и потом приходят обозленные. Все тут повязаны. Если с кем-то что-то не поделили, могут нанять других – убить, изнасиловать. Участковые ничего не могут поделать, боятся. У него наряда нет, он один. Его могут убить, прибить. Ни один участковый долго не задерживается. Два месяца – и все. Был один якут, хотел что-то сделать, порядок навести. Но и он махнул рукой, сказал, у вас слишком много криминала. Два месяца только был (Интервью 1).

Это положение, по нашему мнению, обусловлено, помимо уже указанных причин, тем, что потенциальные преступники знают о своей безнаказанности. Во-первых, в отдаленных сибирских поселках ослаблен

государственный контроль, до ближайшего райцентра, с его участковыми милиционерами и следователями, – сотня километров. Регулярно происходят несчастные случаи в тайге (самоубийства, утопление, замерзание, нападение медведя), но по причине удаленности стойбищ, их труднодоступности для милицейского и медицинского транспорта, установить обстоятельства происшествия бывает очень сложно. Руководство Иенгры, по словам той же информантки, не проявляет активности в предупреждении преступности: *«Начальство закрывает глаза на это. Им надо, чтобы все выглядело хорошо»*. Во-вторых, сказывается человеческий фактор, новый участковый в курсе проблем эвенков, и это связывает ему руки:

Ну, поставлю я его на учет за хулиганство – так ему ж оружие больше не дадут. Они мне говорят – «я без ружья ни себя, ни семью не прокормлю, пойду, повешусь». Или вот у одной женщины укатили со двора две бочки с бензином. Она не подает заявление – это сделал ее племянник. Все знают, кто преступник, но я ничего поделать не могу (Интервью 2).

Таким образом, безнаказанность мелкого хулиганства порождает более серьезные преступления. Это еще один фактор социального воспроизводства девиантности эвенков. Правонарушения в данном случае – это, по нашему мнению, результат отсутствия социальной реакции на преступление, результат отсутствия внешнего контроля, «ока власти».

«Оранжевая» ментальность

Анализ социокультурной ситуации, сложившейся в поселке Иенгра, свидетельствует о том, что безработица является наиболее острой, основной проблемой для эвенков, из нее вытекают остальные. Эвенки не в состоянии сами справиться с ними, адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. И дело не только в отдаленности поселка, нерентабельности сельского хозяйства, но и в самом общественном сознании эвенков, сформировавшемся в годы советской власти. Советское государство поместило эвенков за стекло, но не в паноптикум, а скорее, в оранжерею, в тепличные условия, с одной стороны, уберегая от всех невзгод (экономических и социальных), с другой – ограничив в пространстве и действиях.

Политика по отношению к народам Севера носила откровенно патерналистский характер: государство, оказывая разного рода помощь, определяло, как и в каком направлении развивать хозяйство, языковую и культурную политику, лишая тем самым личной инициативы. Глава администрации пос. Иенгра постоянно сталкивается с проявлениями такого «советского» менталитета эвенков:

В селе уже 27 молодых мужиков без работы, не говоря про прочие категории. Я избегалась по окрестным золотодобывающим артелям, пытаюсь их хоть на время пристроить, а они там не задерживаются – бездельничают и пьют. Да что говорить – прошу в селе поработать по договору на общественных работах – никто не пошевелится. Знают только день, когда в очередь ко мне становиться за «безработицей» и пособиями на детей. Получат – пропьют. В Нерюнгри из-за полного краха с бюджетом уже давно никому пособий не платят, но для Иенгры делают исключение. Мы ведь малый народ, люди из «Красной книги» – вот и привыкли, что каждому с рождения что-то положено (Интервью 3).

Эвенки привыкли к покровительству по отношению к ним, сформировался особый тип социальных ожиданий от государства в решении своих проблем. Лишившись опеки, попав в новые социально-экономические условия и не справившись с ними, эвенки стали испытывать модернизационный стресс, усиленный безработицей, что вылилось в распространение алкогольной зависимости, которое, в свою очередь, привело к другим печальным последствиям (суицид, правонарушения). По мнению ряда информантов, государственная профилактика алкогольной зависимости была вполне эффективной. В годы советской власти, по свидетельству стариков, перечисленные выше явления были представлены в единичных случаях. Пьянство, конечно, было распространено, но пить, особенно молодежи, было «стыдно», существовали нормы морали, которые сегодня разрушены повсеместной рекламой алкоголя. Кроме того, государство занималось проблемой пьянства. Борьба велась административными и пропагандистскими методами: штрафы, выговоры, «товарищеские суды», лекции о вреде алкоголя, плакаты, высмеивающие пьянство, лечебно-трудовые профилактории. Безработицы и связанных с ней социальных проблем в советском государстве попросту не существовало.

Наследием советской патерналистской политики, привившей общественному сознанию эвенков черты иждивенчества, остаются интернаты. Эти учреждения очень важны в условиях кочевого хозяйствования, так как позволяют родителям заниматься традиционными видами деятельности без ущерба для образования детей. В интернате должны находиться дети оленеводов, но фактически сюда попадают все дети, родители которых не в состоянии их обеспечить (всего в интернате числится более 50 воспитанников). Итогом подобного покровительства стала низкая активность населения в поиске работы для обеспечения себя и своих детей, отсутствие ответственности за новые поколения. Интернат, а также пособие по безработице (70 человек стоят в очереди в центре занятости), развязывают руки нерадивым родителям, позволяет вести праздный образ жизни, пьянствовать.

Наибольшую активность в поселке проявляет старшее поколение – те, кто с детства были приучены к труду, воспитывались в тайге родите-

лями-оленеводами, те, которые построили сам поселок. Это поколение 1930–40-х годов рождения, представители которого сетуют на леность и распущенность молодежи. Эвенки в возрасте 40–55 лет воспитывались в пору расцвета патернализма, привыкли надеяться на государство, и потому многие из них не сумели адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Группой риска стали 30–40-летние эвенки – те, чья юность и зрелость пришлось на эпоху общественных трансформаций. Многие мужчины этого возраста холосты. Среди них происходит большинство случаев суицида, правонарушений, пьянства.

Анализ смертности среди эвенков за десятилетие с 1996 по 2006 год подтверждает, это: до 20 лет – 13 случаев смерти, 20–29 лет – 22, 30–39 лет – 36, 40–49 лет – 32, 50–59 лет – 24, 60–69 лет – 23, 70–79 лет – 18 случаев. По статистике наркологической службы, в списке лиц, злоупотребляющих спиртными напитками с вредными последствиями на 2007 год, 30–40-летних также наибольшее количество: 15 человек – 1967–77 годов рождения, 7 человек – 1950–60, 5 человек – 1961–66, 1 человек – 1989, 1 человек – 1937 года рождения. Мужчинам среднего и старшего среднего возраста общество предъявляет больше всего требований – на их плечах лежит груз ответственности за обеспечение семьи, они должны принимать решения в меняющихся экономических условиях, но будучи воспитанными в административно-командной системе, не всегда готовы сделать это. Давление модернизационного стресса они ощущают сильнее, и в результате более склонны к развитию девиантного поведения.

Таким образом, если говорить о продуктивности власти в рамках концепции Фуко, в результате политики патернализма была сформирована новая, «оранжерейная» ментальность эвенков, не сумевших по этой причине адаптироваться к современной социально-экономической ситуации. Следует отметить, что молодому поколению эвенков, выросшему в новых условиях, не свойственно иждивенческое сознание. Школьники проявляют больше инициативы, чем их родители. Молодежь стремится получить образование, выбирая востребованные на рынке труда профессии.

Несмотря на негативные последствия патерналистской политики, в условиях разрушенного хозяйственного комплекса, дотационного финансирования региона, утраты традиций эвенки пока не могут отказаться от государственной поддержки. Исторические факты говорят о том, что для эвенков контроль государства зачастую имеет позитивный характер. Согласно анализу статистических данных, современный период является для эвенков наиболее тяжелым, даже по сравнению с перестроечным. Прирост населения за десятилетие с 1985 по 1996 год составил 119 человек (эвенки), тогда как в период с 1997 по 2006 год – всего 24 человека (эвенки).

Всплеск рождаемости в поселке приходится на период с 1984 по 1991 год, в эти же годы показатели смертности уменьшаются в два-три

раза, что, по мнению главного врача Золотинской участковой больницы, связано с проведением антиалкогольной кампании. С ее прекращением, а также на фоне экономического кризиса, коэффициент смертности возрастает. Отрицательные значения естественного прироста населения встречаются вплоть до 2005 года. После завершения антиалкогольной кампании начался бурный процесс алкоголизации малочисленных народов, по физиологическим причинам более неустойчивых к алкоголю, увеличилось количество несчастных случаев, связанных с алкогольным опьянением. *«Все-таки, у нас причина смертности – алкоголизация»* (Интервью 4), – отмечает наш собеседник.

Необходимой профилактики, организации психологической помощи не хватает и для предупреждения случаев суицида. В Иенгре, согласно представленной таблице, происходит 3–5 случаев самоубийств на 1 236 человек в год, то есть на тысячу человек приходится 2,4–4 таких случая – это в 7,5–12,5 раз выше, чем в среднем по России. Суицид – трагедия эвенков, и самое печальное то, что большинство погибших по этой причине – молодые люди 14–18 лет. В свете концепции Фуко можно предположить, что это отклонение обусловлено разрушением института семьи, нарушением межличностных связей в процессе введения новых средств социализации, таких, как интернаты. Институт семьи у эвенков утрачивает свое влияние, и причиной этого является попытка государства заменить собой семью. В ситуации крушения устоявших социальных структур это приводит к появлению девиантов.

Одной из основных причин девиантного поведения подростков является отсутствие организованного досуга. В Иенгре ведется большая работа с детьми школьного возраста. Школа прекрасно оборудована, есть компьютеры, работают несколько спортивных секций, кружков. В поселке построили этнокультурный центр, где происходят все важные мероприятия, выступления фольклорного ансамбля, членами которого могут стать все желающие. Для детей ансамбли являются любимой формой проведения свободного времени. Окончив школу, подростки оказываются предоставленными сами себе. Спортивных секций для взрослых нет, стадион не оборудован, хотя эвенки очень любят подвижные игры, спорт. В поселке нет ни кинотеатра, ни кафе, местом вечернего сбора молодежи является крыльцо одного из продовольственных магазинов.

«Застрявшие» в пустоте

Нарастание негативных тенденций в эвенкийском этносоциуме, на наш взгляд, связано с исчезновением «ока власти»: оставшиеся без его присутствия индивиды не смогли самоорганизоваться, так как определялись в своем бытии не по отношению друг к другу, а по отношению к этому «оку». В результате вмешательства государства формальные

отношения вытеснили межличностные, и, когда государство оказалось неспособно поддерживать созданную структуру, эвенки оказались в условиях вседозволенности и безнаказанности. В жизни современного эвенкийского поселка наблюдаются признаки социокультурного кризиса.

Изменившиеся по причинам как внешним, так и внутренним, условия существования рассматриваемого сообщества привели к серьезным переменам в сознании и поведении людей, девальвации традиционных норм и правил, социального взаимодействия, морали, ценностных императивов. Начинает разрушаться система социально интегрирующих мотиваций, наступает кризис консолидирующего сообщества социокультурных связей. Нарушенный в ходе социально-политических трансформаций баланс структурной упорядоченности локальной социокультурной системы ведет к деградации регулятивных функций культуры, и, как следствие, к росту криминальных и иных девиантных форм поведения населения. Неэффективность протекания процессов социокультурной модернизации приводит к тому, что сообщество, по словам А.Я. Флиера, «застревает» в положении, при котором прежние нормативно-ценностные регуляторы социальной жизни уже деградировали (или демонтированы), а новые еще не сложились [Флиер, 2007. С. 154].

Всплеск девиантного поведения, имеющий место в современных национальных поселках Сибири, мы склонны рассматривать как следствие произошедших здесь за последние 90 лет социокультурных сдвигов: в начале XX века эвенки были включены в социалистическое общество и восприняли новые нормы и ценности, коренным образом изменились их мировоззрение и хозяйственный уклад. В системе отношений власти эвенкийское общество жестко контролировалось и в полной мере зависело от государства, получая взамен экономическое благополучие. К концу XX века эвенки оказались предоставленными самим себе, но, утратив собственную модель культуры, не успели еще выработать новые ценности, которые придали бы им нравственную устойчивость в условиях постоянно меняющейся социально-экономической ситуации.

Утрата традиционного мировоззрения, нормативных структур общества ведет к смене физической и духовной сущности этноса, проявлениям девиаций и в конечном счете к вымиранию. Поэтому для эвенков так важен процесс возрождения традиционной культуры. Любое общество, которому удастся сохраниться при угрозе распада, по мнению Говарда Беккера, сохраняется благодаря осколкам системы ценностей, вокруг которых может начаться стабилизирующая кристаллизация [Чеснокова, 2010]. Одним из условий выхода из социокультурного кризиса А.Я. Флиер назвал формирование новой или обновление традиционной консолидирующей людей идеологии [Флиер, 2007. С. 155].

Следует отметить, что в обществах, где не сложилась государственность, регулирующую роль играли традиции, законы предков, различ-

ные табу. У эвенков социальные, семейные и межродовые отношения регламентировал неписанный свод традиций *Иты* (*Итин*), имеющий значение «режим», «закон», «устав». По представлениям эвенков *Иты* как законный порядок им дал бог-творец Сэвэки. Это заповеди общечеловеческого содержания, по которым следует жить эвенку [Мазин, 2007]. Если человек делает что-то не так, как положено, его обычно останавливают выражением: «Против неба *Буга* делаешь! Грех!».

Таким образом, в условиях влиятельного нормативно-регулятивного характера *Иты*, в традиционном эвенкийском обществе социальные проблемы не получали распространения. Исследователь эвенков А.С. Шубин отмечает:

Нарушений норм общественного порядка было немного в семьях эвенков... Обман или похищение чужой или общественной собственности считались самыми тяжкими преступлениями перед обществом, особенно перед родом и семьей [Шубин, 2007. С. 83].

Это отмечалось многими исследователями, Н.М. Добромыслов, в частности, пишет: «свято соблюдается ороченами неприкосновенность чужой собственности, не понимают, что называется присвоением чужой собственности» [Добромыслов, 1902. С. 80]. П. Паладимов отмечает, что «орочены не знают такого порока, как воровство, лихоимчество» [Паладимов, 1929. С. 79]. Эвенки высоко ценили достоинство человека, и всякое покушение на его честь рассматривалось как проступок, достойный всеобщего осуждения. Тяжким преступлением против общества считали убийство, обман, воровство и другие акты, совершенные из корыстных побуждений.

Социальную стабильность гарантировало само мифологическое сознание. Так, в культуре эвенков украсть – значит навлечь на себя большую беду, ведь дух украденного предмета может отомстить за хозяина. Бытуют рассказы о взятых в заброшенных охотничьих избушках предметах (старинные иконы, утварь), которые не давали выйти из заколдованного круга: знающий местность охотник блуждал по тайге, пока не возвращал их на место. Представление о неизбежности расплаты за злодеяние со стороны духов делало невозможным бытование убийств, насилия, преступления как такового в границах традиционной культуры. Понятия «преступление» в смысле нарушения закона не существовало, преступить можно было только освященные временем табу. Многолетняя борьба с верованиями «инородцев», попытка внушить им страх перед законом взамен уважения к обычаям предков подорвала эти устои. И когда власть закона ослабла, социальные регуляторы в форме обычаев не смогли заменить ее.

Отсутствие «ока власти» в период социально-политических трансформаций в России обернулось катастрофой эвенкийского общества.

По мнению Э. Дюркгейма, вероятность девиаций поведения существенно возрастает при происходящем на уровне социума ослаблении нормативного контроля, в условиях аномии [Дюркгейм, 1994]. Именно эти процессы имеют место в постсоветской России, концепция Дюркгейма объясняет многие явления, происходящие в современном эвенкийском поселке. Необходимое условие аномии – расхождение между потребностями, интересами и возможностями их удовлетворения – характерная черта нашего времени. Иерархическое традиционное общество было устойчивым, так как позволяло каждому ощущать свою жизнь осмысленной внутри узкого замкнутого слоя. Ход общественной эволюции порождает двойственный процесс: увеличивает «индивидуализацию» и одновременно подрывает силу коллективного надзора, твердые моральные границы, характерные для старого времени. Степень свободы личности от традиций, коллективных нравов и обычаев, возможности личного выбора занятий и способов действия резко расширяются. Но относительно свободная нормативная структура индустриального общества больше не определяет жизнь людей и начинает воспроизводить аномию в смысле отсутствия твердых жизненных целей, норм и образцов поведения. Это ставит многих в неопределенное социальное положение, лишает коллективной солидарности, чувства связи с конкретной группой и со всем обществом, что ведет к росту в нем отклоняющегося и саморазрушительного поведения.

Возможные стратегии

Описанные Дюркгеймом механизмы работают не только в национальных поселках Сибири, характерны они и для русской деревни. В этом плане положение народов Севера является типичным для современной России. Тем не менее существует ряд особенностей процессов, протекающих в эвенкийском поселке: ситуация усугубляется экстремальными природными условиями, доступностью оружия, уязвимостью традиционного типа хозяйствования оленеводов и охотников, угрозой потери ими языка, культуры, этнической идентичности, в конечном итоге перспективой вымирания этноса как такового вследствие неустойчивости к алкоголю и стрессам.

Такие процессы имеют сходство с аналогичными проблемами коренных народов Канады, Америки, Финляндии, Норвегии. В документах ООН по защите прав коренных народов отмечается, что проблемы этих сообществ во всем мире имеют сходный характер. Генеральная Ассамблея объявила период с 1995 по 2004 годы Международным десятилетием коренных народов мира с целью мобилизации усилий по устранению негативных аспектов, возникших в общинах коренных народов в результате продолжительной колонизации и маргинализации. Среди

существующих проблем коренных народов названы нищета (как правило, они являются наиболее уязвимыми и обездоленными группами общества), отсутствие базового медицинского обслуживания, низкий уровень образования (большинство систем образования не учитывают традиционные и культурные ценности коренных народов), отсутствие защиты прав на интеллектуальную и культурную собственность, безработица, права человека, земля и ресурсы, самоопределение [Коренные народы, 1997].

Например, в Канаде именно среди индейцев зафиксирован самый высокий уровень бедности и безработицы, алкогольной и наркотической зависимости, наибольшая заболеваемость и наименьшая продолжительность жизни. По данным В.И. Соколова, проведенное в 1990-е годы обследование показало, что число инвалидов среди аборигенного населения Канады в возрасте старше 15 лет вдвое больше, чем в среднем по стране. Аналогично, уровень самоубийств среди подростков у индейцев на рубеже 1980–1990-х годов был в пять раз выше, чем у остального населения Канады. Доходы аборигенных семей значительно меньше, чем в целом по стране. Высок уровень преступности среди аборигенного населения Канады: в 1997–1998 годы аборигены составляли 17 % всех заключенных в стране, тогда как их доля в населении Канады составляет лишь немногим более 2 %.

Исследователи делают вывод о том, что эти обстоятельства говорят о весьма трудных проблемах, которые приходится решать аборигенному населению Канады в настоящее время [Соколов, 2002. С. 47–59]. Социальные проблемы коренного населения, по мнению ученых, оказались наиболее драматичными в результате того, что в Канаде исторически использовались два пути построения «взаимоотношений» с коренным населением – создание резерваций и ассимиляция с пришлым населением. Тем не менее, в отличие от России, в Канаде имеются серьезные достижения в области решения социальных проблем коренного населения: освобождение индейцев от уплаты налогов, развитая система социального обеспечения, позволяющая почти 38 % членов племени существовать за счет государства, образование государственной единицы Нунавут, объединяющей примерно 40 % всего аборигенного населения Канады.

Как мы видим, арктические страны осуществляют национальную политику в лучших патерналистских традициях. К подобной же практике призывают отечественные ученые и общественные деятели, связанные с коренными народами. А.И. Пика полагает, что в новой стратегии по отношению к коренным народам должны быть провозглашены отказ от ассимиляторской модернизации культуры и образа жизни народов Севера, предоставление им правовой и экономической государственной протекции [Пика, 1996. С. 43]. Вместе с тем автор отмечает то, что, как

оказалось, «помощь Старшего Брата» сама по себе не гарантирует культурное, этническое и демографическое выживание малочисленных народов. Она не дает ответ малым народам на основной вопрос – как выжить и сохранить свою этнокультурную самобытность и целостность в современном быстро меняющемся мире.

Отечественные и зарубежные исследователи стоят перед дилеммой: на какой же почве строить новую государственную политику в отношении коренных народов – на почве «традиционализма» или «модернизации»? В первом случае общественно-историческое развитие малочисленных этносов есть дело самих этих этносов, государство должно лишь оберегать их хрупкие этнические структуры (культуру, среду обитания) от разрушающего внешнего воздействия, постепенно помогать им адаптироваться в более динамичном индустриальном обществе. А.И. Пика в качестве основы формирования практических направлений новой государственной политики в отношении народов Севера, Сибири и Дальнего Востока предлагает концепцию «неотрадиционализма». Новый курс, по мнению исследователя, должен означать отказ от такой формы государственного патернализма, когда финансовая и материальная помощь из государственных централизованных фондов оказывалась не самим народам Севера, а многочисленным министерствам и ведомствам. Автор ставит задачу предоставления помощи малочисленным народам Севера «прямо в руки», а не через посредников. Эта помощь должна включать не только деньги, материальное обеспечение из государственных фондов, но также средства производства (землю, ресурсы и права).

Основной целью новой политики должен стать переход к экономической самостоятельности и национально-территориальному (общинному) самоуправлению малочисленных народов, становление их как действительных субъектов социального, экономического и культурного развития. Необходима более активная социальная политика российского центра на этническом уровне – поддержка и укрепление контактных структур, представляющих народы Севера – ассоциаций, фондов, обществ; на региональном уровне – это протекция, защита интересов народов Севера, прямое вмешательство в их конфликты с региональными и ведомственными промышленными структурами. На этом уровне госучреждения могут обеспечивать оказание правовой, политической и частично экономической помощи; на местном уровне – это политика учреждения и поддержки «этнических территорий». Именно сюда, на местный уровень, должна поступать основная экономическая помощь из централизованных федеральных фондов (инвестиции, гранты, кредиты).

* * *

Исследование социокультурной ситуации в современном эвенкийском поселке, анализ различных мнений по вопросу государственного

патернализма коренных народов и практики зарубежных стран в этой области позволяют сделать вывод о том, что как тотальный контроль, надзор со стороны государства, так и его отсутствие, не являются продуктивными стратегиями для сохранения и развития культур северных этносов. Только самостоятельное участие в решении проблем при необходимой и достаточной поддержке со стороны государства может вывести народы Севера из социокультурного кризиса. Только социальное взросление общества, готовность нести ответственность за собственное развитие даст эвенкам возможность преодолеть проблемы социальной адаптации, метафорически – это «беспризорность» как результат отсутствия надзора.

Бурная эпоха общественно-политических трансформаций в России осталась позади, но для эвенков мало что изменилось: безработица, высокая смертность, алкоголизм все еще угрожают благополучию малочисленного народа. Государство хорошо информировано о социальных проблемах коренных народов Севера, и следует отметить то, что эти проблемы не остались без внимания – в 2009 году Правительством РФ утверждена «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 года № 132-р).

В Концепции указывается, что устойчивое развитие малочисленных народов Севера предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов. Министерству регионального развития России поручена разработка плана мероприятий по реализации Концепции, в результате которых будут созданы нормативные правовые и экономические условия для развития традиционного природопользования, роста качества жизни и улучшения демографической ситуации среди малочисленных народов Севера.

В рамках государственной поддержки планируется создать новые кочевые школы, фактории, объекты социальной и инженерной инфраструктуры в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, развивать инновационные формы дистанционного образования, мобильные формы оказания медицинской помощи и телемедицины, предоставление услуг в сфере культуры и коммуникаций. Планируется увеличение размеров субсидий на поддержку северного оленеводства. Предполагается создать необходимые условия для занятости представителей малочисленных народов Севера в традиционных отраслях хозяйственной деятельности, а также в этнотуризме, экологическом туризме, организации лесовосстановительных, землеустроительных, природоохранных работ.

Отметим, что в направлении преодоления проблем социальной адаптации эвенков в поселке Иенгра уже сделаны некоторые шаги. Прямо в поселке организована наркологическая служба. Руководство поселка ведет борьбу с пьянством, глава сельской администрации лично проводит беседы с гражданами группы риска. Сотрудники социальной службы из города Нерюнгри работают с неблагополучными семьями. В новом этнокультурном центре регулярно проводятся различные мероприятия, отмечаются праздники. Возрожден эвенкийский традиционный праздник «Икэнипкэ», во время которого воспроизводится традиционный уклад жизни эвенков (проводятся обряды, конкурсы на лучший национальный костюм, блюдо, песню, организуются спортивные состязания).

В Республике Саха (Якутии) приняты законы и программы поддержки малочисленных народов, существует государственный протекционизм оленеводства, но принятых мер недостаточно для его развития. Дополнительными мерами должны стать: ветеринарно-профилактические мероприятия в оленеводстве, улучшение материально-технической базы, организация переработки и реализации продукции оленеводства и звероводства. При поддержке государства должна быть создана система подготовки и повышения квалификации кадров, правового, информационного и научного обеспечения сельского хозяйства. Необходимо привлечение аборигенного населения к веками сложившимся видам деятельности, которые позволяют сохранить традиционный уклад жизни, являются этнообразующими отраслями, обеспечивающими занятость коренного населения. Таким образом, преодоление проблем социальной адаптации эвенков осуществимо, на наш взгляд, только при возрождении некоторых форм государственного патернализма.

Список полевых данных

Интервью 1. Женщина, чумработница, 25 лет, пос. Иенгра (Республика Саха (Якутия), 2007

Интервью 2. Мужчина, участковый милиционер г. Нерюнгри, 43 года, пос. Иенгра, 2007

Интервью 3. Женщина, глава администрации пос. Иенгра, 50 лет, пос. Иенгра, 2007

Интервью 4. Мужчина, главный врач Золотинской районной больницы, 63 года, пос. Иенгра, 2007.

Список литературы

Абрютина Л. Коренные малочисленные народы Севера находятся в состоянии глубокого кризиса: Доклад на Всероссийской научной конференции

«Северный регион: стратегия и перспективы развития», 2003 // <http://www.krem1.org/opinions/24567180>.

Добромыслов Н. М. Заметки по этнографии баргузинских орочен: Тр. Кяхтинского отдела РГО. Т. 5. Вып. 1. 1902.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994.

Коренные народы: задачи, стоящие перед международным сообществом // <http://www.un.org/russian/topics/humanrts/annivers/indigen.htm>.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: В 2 т. Рос. академия наук. Репринт. воспроизведение изд. 1755 г. СПб.: Наука ; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994.

Мазин А. И., Мазин И. А. Представления эвенков Приамурья об окружающем их мире. Благовещенск: АмГУ, 2007.

Немцов А. В., Школьников В. М. Потери в связи с алкогольной смертностью в России в 1980–1990-х годах // Новости науки и техники. Сер. Мед. Вып. Алкогольная болезнь. ВИНТИ. 1999. № 5.

Паладимов П. Баргузинская тайга: Путевые заметки // Жизнь Бурятии. 1929. № 5. С. 62–86.

Пика А. И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.

Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008.

Соколов В. И. Глобализация и аборигенное население Канады // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2002. № 5. С. 47–59.

Сокулер З. А. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко // З. А. Сокулер. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001.

Сорокина С. А. Основные факторы развития девиантного поведения эвенков (по материалам полевых исследований) // Материалы Международной научно-практической конференции «Реальность этноса». Часть 2. СПб.: Астерион, 2008.

Флиер А. Я. Тезаурус основных понятий культурологии. М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2008.

Фуко М. Воля к знанию // М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Фуко М. Око власти // М. Фуко. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984 / Пер. с фр. Б. М. Скуратова под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Практис, 2006.

Чеснокова В. Ф. Говард Беккер. Социально-нормативные структуры и проблемы модернизации. Анализ аномии и способы ее преодоления // Язык социологии: Курс лекций. М.: О.Г.И., 2010.

Шмид В. Фуко // Современная западная философия: Словарь. М.: Политиздат, 1998.

Шубин А. С. Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007.

Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Г. В. Быковой, проф. Г. И. Варламовой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006.

Hiller J. Canada and the Aboriginal Peoples, 1867–1927. Ottawa, 1997.

Ssorin-Chaikov N. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford (Calif.): Stanford university press, 2003.

Terry M. Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism: New Directions / Ed. Sheila Fitzpatrick. N. Y.: Routledge, 2000.

Софья Александровна Сорокина
доцент кафедры этнокультурологии
Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург
